

Д. О. Серов
П. И. ЯГУЖИНСКИЙ:
ГРАНИ ЛИЧНОСТИ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Среди правительственных деятелей России XVIII в., с их неординарными карьерами и яркими судьбами особое место занимает П. И. Ягужинский. Худородный выходец из Немецкой слободы, достигший высших государственных должностей и графского титула, первый генерал-прокурор России Павел Иванович Ягужинский стал впоследствии одним из символов государственных преобразований Петра I.

Насколько удалось установить, первым к биографии П. И. Ягужинского обратился немецкий дипломат Г.-А. Гельбиг. В своей книге «Русские избранники», анонимно изданной в 1809 г. в Тюбингене, Георг-Адольф Гельбиг поместил отдельный, хотя и вполне поверхностный, очерк о Павле Ягужинском. Четыре года спустя несравненно более подробная и содержательная статья о П. И. Ягужинском вышла в составе «Деяний полководцев и министров Петра Великого» Д. Н. Бантыш-Каменского.¹

Впоследствии к жизни и деятельности П. И. Ягужинского обращались либо исследователи истории российской прокуратуры, либо авторы, писавшие статьи-персоналии для фундаментальных биографических словарей. Крупнейшей работой подобного рода следует признать статью А. А. Гоздаво-Голомбиевского 1901 г. Многолетний сотрудник и знаток фондов Московского архива Министерства юстиции, Алексей Гоздаво-Голомбиевский создал академически точную (хотя местами и спорную в интерпретации событий) и вместе с тем увлекательную по стилю биографию первого генерал-прокурора России.²

¹ См.: [Helbig G.-A., von.] Russische Günstlinge. Tübingen, 1809. S. 85–92; Бантыш-Каменский Д. Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М., 1813. Ч. 2. С. 143–170.

² См.: Иванов П. И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863. С. 1–12; Гоздаво-Голомбиевский А. А. Граф Павел Иванович Ягужинский // Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762. СПб., 1901. С. 1–21 (То же // Русский архив. 1903. Т. 2. № 7. С. 371–405); Фурсенко В. В.

Однако, несмотря на очевидные достижения предшественников, обстоятельства жизни и деятельности П. И. Ягужинского прояснены к настоящему времени отнюдь не систематически. Настоящая статья является попыткой представить более целостное и достоверное изложение обстоятельств служебной карьеры и событий частной жизни П. И. Ягужинского как до занятия им должности генерал-прокурора, так и в период руководства российской прокуратурой (до 1726 г.). Источниковой основой статьи послужили главным образом документы, отложившиеся к настоящему времени в Российском государственном архиве древних актов (преимущественно в фондах «Кабинет Петра I» и «Сенат»).

О раннем периоде жизни Павла Ягужинского на сегодня известно немного. С легкой руки Д. Н. Бантыш-Каменского, принято считать, что будущий генерал-прокурор родился в 1683 г. в семье музыканта в Польше, а в 1687 г. был привезен в Россию.³ Между тем в выявленном автором военно-учетном документе 1720 г. родной брат П. И. Ягужинского Иван наименован «иноземцем старого выезду»,⁴ как тогда обозначались иностранцы, либо родившиеся в Москве, либо являвшиеся потомками лиц, уже состоявших на русской службе. О рождении Павла Ягужинского в Москве упоминали также его современник датский посланник Ю. Юль и Г.-А. Гельбиг.⁵ В то же время много знающий П. В. Долгоруков отмечал, что отец Павла Ивановича был лифляндец.⁶ Таким образом, вопрос о месте рождения П. И. Ягужинского (равно как о его этническом происхождении и о времени переселения его семьи в Москву) необходимо признать открытым.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что отец Павла Ивановича Иоганн Евгузинский

Ягужинский Павел Иванович // Русский биографический словарь. М., 1913. Т. 25. С. 8–28; Веретенников В. И. Очерки истории генерал-прокуратуры России доекатерининского времени. Харьков, 1915. С. 51–80; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево: российские прокуроры. XVIII век. М., 1994.

³ См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. С. 143.

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Кн. 29. Л. 2.

⁵ См.: Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711): пер. с дат. М., 1899. С. 210; [Helbig G.-A., von.] Op. cit. S. 85.

⁶ См.: Долгоруков П. В. Записки: пер. с фр. СПб., 2007. С. 238.

Серов Дмитрий Олегович — д.и.н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)
 E-mail: serov1313@mail.ru

(Johan Ewguzinsky) прибыл в Москву в качестве органиста лютеранской церкви. Поселившееся в Немецкой слободе семейство Евгузинских-Ягужинских успешно адаптировалось на новом месте. Игру на органе Иоганн Евгузинский совмещал с руководством детским хором и преподаванием в протестантской школе. Благодаря хлопотам именно Ягужинского-старшего, в 1692 г. в слободской кирхе установили закупленный в Слущке новый орган.⁷

Примечательно, что даже написание фамилии будущего генерал-прокурора установилось далеко не сразу. В первой трети XVIII в. фамилия Павла Ивановича имела несколько вариантов написания. В документах 1700-х — начала 1720-х гг. он фигурировал как «Егужинской», «Ягужинской», «Ягушинской» или — реже — как «Евгушинской». В выявленных автором многочисленных документах, подписанных Павлом Ивановичем в 1710-х — первой половине 1720-х гг., сам он именовал себя неизменно «Ягушинской». Павел Иванович поименован «Ягушинским» и в указе от 18 января 1722 г. о назначении его генерал-прокурором (в собственноручно же написанном Петром I черновом варианте указа — «Ягужинским»).⁸ Примечательно, что и первые биографы П. И. Ягужинского Г.-А. Гельбиг и Д. Н. Бантыш-Каменский называли его «Ягушинским» («Jaguschinski»). Отчего к XX в. написание фамилии первого генерал-прокурора России закрепилось как «Ягужинский», совершенно неясно.

Достоверно известно, что П. И. Ягужинский имел упомянутого уже брата Ивана, сведений о котором сохранилось, впрочем, совсем немного. К настоящему времени удалось лишь установить, что в 1713 г. И. И. Ягужинский, состоявший на тот момент в чине майора в Сибирском пехотном полку, был отпущен из полка «за ранами» в Санкт-Петербург⁹ (вероятнее всего, к брату Павлу). Скончался Иван Ягужинский (будучи уже полковником) в июле 1722 г.¹⁰

Что же касается будущего генерал-прокурора, то по молодости он вроде бы состоял

пажом у боярина и посольского президента Ф. А. Головина,¹¹ затем попал в услужение к Петру I. Не получив, судя по всему, никакого систематического образования, Павел Иванович впоследствии, по крайней мере, свободно изъяснялся на немецком¹² и на редкость грамотно писал по-русски.¹³

Первый документ, проливающий некоторый свет на обстоятельства начальной карьеры генерал-прокурора, относится к 1706 г. Согласно «данной» от 9 июня 1706 г., царь Петр Алексеевич пожаловал во владение «иноземцу Павлу Евгушинскому, которой живет при дворе его, великого государя, за ево верную службу» остров на реке Яузе напротив Немецкой слободы.¹⁴ Какие-либо подробности «верной службы» в документе, впрочем, не приводились.¹⁵

Насколько можно понять, в первом десятилетии XVIII в. П. И. Ягужинский состоял при непрерывно перемещавшемся и неприязнительном в быту Петре I в качестве полупридворного, полуслуги (осведомленный Юст Юль упомянул в 1710 г. о Павле Ивановиче как о «царском камердинере»¹⁶). Судя по всему, обладая живым умом, сообразительностью и расторопностью, Павел Ягужинский отличался к тому же компанейским нравом, коммуникабельностью и неотразимым обаянием. Неслучайно Ф.-В. Берхгольц позже упомянул об «императорском фаворите Ягужинском, которого русские обыкновенно называют “Павлом Ивановичем”».¹⁷

⁷ См.: Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 303, 304. Вероятно, в русле семейных традиций П. И. Ягужинский впоследствии также не чуждался музыкальных занятий. Согласно относящемуся к 1722 г. свидетельству Ф.-В. Берхгольца, генерал-прокурор неплохо играл на клавесине (Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721–1725; пер. с нем. М., 1902. Ч. 2. С. 202).

⁸ Законодательные акты Петра I / сост. Н. А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 248.

⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Кн. 29. Л. 12.

¹⁰ Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 2. С. 260.

¹¹ Что касается занятий П. И. Ягужинского до поступления на частную службу к Ф. А. Головину, то этот вопрос затронул, кажется, единственно К. Валишевский. Не приводя ссылок на источник, он упомянул, что будущий генерал-прокурор начал свою карьеру «с должности чистильщика сапог» (Валишевский К. Петр Великий // Собрание сочинений. М., 1993. Т. 2. С. 204, 205).

¹² Знание П. И. Ягужинским немецкого языка можно признать косвенным признаком того, что его семья происходила из Балтии. Показательно, что доньше не удалось встретить сведений о том, что Павел Ягужинский владел польским языком.

¹³ Стоит отметить удивительную четкость, а также выраженную в слитном написании букв устойчивую «скорописность» почерка П. И. Ягужинского. Среди высших должностных лиц России конца 1710-х — начала 1720-х гг. подобным «скорописным» почерком (отражавшим привычку автора к регулярному собственноручному писанию) обладали еще только П. А. Толстой и П. П. Шафиров (причем у последнего почерк отличался малоразборчивостью).

¹⁴ РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 38. Л. 20б., 3.

¹⁵ С долей неуверенности можно предположить, что поводом к пожалованию острова явился несомненно имевший место в 1700-е гг. переход П. И. Ягужинского из лютеранства в православие.

¹⁶ Юль Ю. Указ. соч. С. 210.

¹⁷ Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. М., 1903. Ч. 3. С. 175.

В силу этих своих качеств Павел Ягужинский оказался, вероятно, способен как обеспечивать царю эмоциональный комфорт, так и успешно выполнять разнообразные высочайшие поручения бытового свойства. В итоге Павел Иванович вошел в узкий круг ближайших помощников Петра I, получив возможность, по его собственным словам, пребывать «в постоянном неотлучении от царского величества».¹⁸

С формальной стороны в положении П. И. Ягужинского в этот период имелась одна странность. Дело в том, что малолюдный, военно-походный по организации и личному составу двор Петра I 1700-х гг. составляли едва не поголовно гвардейцы, а вот Павел Иванович в гвардейских рядах до поры до времени не числился.

Данную ситуацию будущий император разрешил, в конце концов, радикальным образом: 26 ноября 1708 г. ни дня не служивший в армии П. И. Ягужинский был произведен сразу в капитаны Преображенского полка.¹⁹ Таких чинопроизводственных щедрот не удавалось, пожалуй, ни один «птенец гнезда Петрова». Виднейший царский фаворит «первого призыва» — А. Д. Меншиков — и тот многие годы номинально провел в «солдатстве», прежде чем достиг в 1701 г. звания поручика гвардии.

В качестве помощника Петра I П. И. Ягужинскому довелось принять участие в драматическом Прутском походе, когда вместе со всей армией он оказался в «прутском котле». Однако Павел Ягужинский не ограничился пребыванием близ царя в осажденном русском лагере, а выполнил ряд поручений, связанных с начавшимися 10 июля 1711 г. переговорами с турками. Именно Павла Ивановича («под образом присланного от господина генерала-фелтмаршала графа Шереметева офицера») Петр I направил утром 12 июля 1711 г. в турецкий лагерь с адресованной руководителю российской делегации П. П. Шафирову полномочной гра-

мотой о заключении мира. В тот же день будущий генерал-прокурор (на этот раз вместе с будущим генерал-полицмейстером А. Э. Девьером) был вторично послан к Петру Шафирову с устным распоряжением царя, «чтоб оной договор [о мире] скоряе окончатъ и розменятца».²⁰ В тогдашней весьма шаткой обстановке эти поездки в глубь расположения турецких войск легко могли обернуться для Павла Ягужинского пленением, а то и гибелью.

Участие П. И. Ягужинского в событиях на Пруте было по достоинству оценено Петром I. 3 августа 1711 г., вскоре после выхода русской армии из окружения, Павел Ягужинский (одновременно с А. Э. Девьером) получил нововведенный чин генерал-адъютанта.²¹ А незадолго до отправления в Прутский поход произошла и перемена в частной жизни Павла Ивановича: 1 февраля 1711 г. он вступил в брак с А. Ф. Хитрово. Свадьбу — при участии Петра I — отпраздновали в Москве, в хоромех М. П. Гагарина.²²

Ставшая женой П. И. Ягужинского Анна Хитрово происходила из возвысившегося во второй половине XVII в. старинного дворянского рода. Она приходилась внучкой окольничему А. С. Хитрово и троюродной правнучкой боярину Б. М. Хитрово. За супругой Павел Ягужинский получил обширные поместья, располагавшиеся в 12 уездах трех губерний.

В истории с женитьбой П. И. Ягужинского, думается, проявилась своеобразная линия кадровой политики Петра I — стремление породнить выдвинувшихся на русской службе иностранцев с представительницами старомосковских фамилий. В этом смысле брак Павла Ивановича «предвозвестил» брак А. И. Остермана, которого царь в феврале 1721 г. женил на Марфе Стрешневой, двоюродной правнучке царицы Евдокии Лукьяновны. Правда, в отличие от оказавшегося весьма прочным семейного союза Андрея Ивановича и Марфы Ивановны,²³ брак П. И. Ягужинского и Анны Хитрово сложился неудачно, завершившись в августе 1723 г. крайне редким для тех времен разводом (с последующим помещением бывшей жены в монастырь).

¹⁸ РГАДА. Ф. 198. Д. 1073. Л. 5.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 47. Л. 80б. С легкой руки все того же Д. Н. Бантыш-Каменского считалось, что П. И. Ягужинский поступил в гвардию еще в 1701 г. и дослуживался до офицерства постепено. В действительности, как явствует из материалов архива Преображенского полка, на военную службу вообще и в названный полк в частности Павел Иванович попал одновременно с получением капитанского чина (см.: Там же. № 84. Л. 6). Что характерно, по Преображенскому полку Павел Ягужинский в звании более не повышался. В течение всего периода номинального пребывания в рядах преображенцев П. И. Ягужинский числился «сверх комплекта» в 7-й роте полка.

²⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 10, 130б. Публикацию фрагмента документа см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 580, 581.

²¹ Письма и бумаги... М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 74.

²² Походный журнал 1711 года. СПб., 1854. С. 3.

²³ Подробнее об этом см.: Каратыгин П. П. Семейные отношения графа А. И. Остермана // Ист. вестн. 1884. Т. 17, № 9. С. 603–606.

Обстоятельствам этого развода оказались специально посвящены целых три статьи — Н. И. Барсова, А. А. Гоздаво-Голомбиевского и А. И. Свирелина.²⁴ Первые двое авторов — профессиональные историки, признанные знатоки эпохи — сочли, что развод явился со стороны Павла Ягужинского вынужденным шагом, связанным с многообразно неблагоприятным поведением супруги. В самом деле, со страниц введенного в научный оборот Николаем Барсовым бракоразводного дела Анна Федоровна представляла психически неполноценной, развратной и буйной особой.

Полностью приняв (вслед за синодальными чиновниками 1720-х гг.) версию инициатора развода П. И. Ягужинского, Н. И. Барсов и А. А. Гоздаво-Голомбиевский странным образом упустили из виду то обстоятельство, что все без исключения свидетельства о «зазорных» поступках Анны Ягужинской исходили от лиц, непосредственно зависящих от ее мужа, — холопов, крепостных и священнослужителей домово́й церкви. В подобных (заведомо односторонних) свидетельствах усомнился лишь провинциальный краевед Алексей Свирелин. Критически рассмотрев представленные Павлом Ягужинским в Синод доказательства «мерзостей» Анны Федоровны, он пришел к убедительному выводу об их глубокой сомнительности.

Дошедшие до наших дней письма Анны Ягужинской к жене А. Д. Меншикова Дарье Михайловне начала 1720-х гг. сохранили и другие подробности семейной драмы. Умоляя Дарью Меншикову о заступничестве, Анна Федоровна сообщала и о насильственном разлучении ее с детьми, и о запрете распоряжаться собственным имуществом, и о бытовых лишениях.²⁵ Тем временем поиски Павлом Ягу-

жинским улик для бракоразводного процесса приняли зловещие формы. По распоряжению известного своим обаянием и легкостью нрава генерал-прокурора, подвергли пыткам служившего у него управляющим дворянина Богдана Тыркова. Истязания имели целью склонить управляющего дать ложные показания об интимной связи с А. Ф. Ягужинской.

Ситуация получила, однако, непредвиденную огласку, и генерал-рекетмейстер В. К. Павлов попытался добиться рассмотрения челобитной об истязаниях Богдана Тыркова в Правительствующем Сенате. В итоге Павел Иванович разволновался до такой степени, что принялся прямо на заседании Сената 20 декабря 1723 г. вырывать из рук генерал-рекетмейстера неприятный документ («ту челобитную из рук у него отымал много»), утверждая в свое оправдание, «что де тот Тырков пожалован ему имянным указом, нет де ему, генералу-рекетмейстеру, дела».²⁶ Остается добавить, что П. И. Ягужинский пробыл разведенным совсем недолго, уже в ноябре 1723 г. вступив в брак с дочерью канцлера Г. И. Головкина Анной.

Возвращаясь к обстоятельствам служебной карьеры будущего генерал-прокурора, следует заметить, что в 1710-е гг. П. И. Ягужинский начал все чаще получать от царя задания государственного характера. Первое задание такого рода оказалось дипломатическим: в конце 1713 г. Павел Ягужинский выехал со специальной миссией в Копенгаген. Вместе с послом В. Л. Долгоруковым он должен был добиться заключения российско-датской военной конвенции о совместных действиях против Швеции. Проходившие весьма напряженно переговоры завершились в итоге подписанием 6 марта 1714 г. такой конвенции (не претворенной, правда, в жизнь).²⁷ В 1713 г. царь пожаловал Павлу Ягужинскому 33 крестьянских двора (а также земли еще на 50 дворов) в Копорском уезде.²⁸

²⁴ См.: Барсов Н. И. Анна Федоровна Ягужинская, жена первого генерал-прокурора Павла Ягужинского. 1722–1725 гг. // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 713–722; Гоздаво-Голомбиевский А. А. Первая жена графа П. И. Ягужинского // Русский архив. 1903. Т. 2, № 7. С. 406–415; Свирелин А. И. Надгробная надпись на могиле А. Ягужинской (Исторический экскурс по поводу ее) // Тр. Владимир. учен. арх. комис. Владимир, 1902. Кн. 4. С. 29–35. Детальное изложение материалов бракоразводного процесса П. И. Ягужинского см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. 2. Ч. 2. Стб. 248–263.

²⁵ См., в первую очередь: РГАДА. Ф. 198. Д. 1177. Л. 109, 109об. См. также не менее отчаянное послание Анны Федоровны того же времени, адресованное А. Д. Меншикову: Там же. Д. 1073. Л. 18, 18об. Никаких следов психической неполноценности А. Ф. Ягужинской ни в содержании, ни в стилистике писем не усматривается.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 8155. Л. 154об., 155. В литературе об этом эпизоде см.: Померанцев М. С. Генерал-рекетмейстер и его контора в царствование Петра Великого // Русский архив. 1916. № 5–6. С. 220. Для полноты картины стоит добавить, что, говоря о передаче ему Б. Тыркова в зависимость, П. И. Ягужинский изрядно лукавил. По именному указу от 20 января 1716 г., дворянин Богдан Тырков (вместе с Назарием Елагиным) был назначен (и то временно) лишь «для надзора» петербургского дома и деревень Павла Ягужинского (РГАДА. Ф. 1451. Кн. 7. Л. 50).

²⁷ См.: Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 252–254.

²⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 48. Л. 477.

В 1716–1717 гг. Павел Иванович сопровождал Петра I и Екатерину Алексеевну в длительной поездке по Западной Европе. Совместное путешествие с царем повлияло на служебный статус Павла Ягужинского самым благоприятным образом: в октябре 1717 г., сразу по возвращении в Россию, он был произведен в генерал-майоры.

Далее последовало новое высочайшее поручение. 2 июня 1718 г. Петр I возложил на Павла Ивановича контроль за созданием учреждений нового типа — коллегий.²⁹ Павлу Ягужинскому предстояло выступить в роли отчасти «понудителя», отчасти — уже тогда — «государева ока». Согласно указу от 2 июня 1718 г., коллежские президенты ставились под надзор П. И. Ягужинского, перед которым они обязывались ежемесячно отчитываться о ходе формирования своих ведомств.

Не вызывает сомнений, что для выполнения этого поручения при П. И. Ягужинском была сформирована временная канцелярия, хотя, вероятно, с совсем небольшим штатом. По крайней мере, секретарь Юстиц-коллегии Г. С. Колхацкий указал в послужном списке 1737 г., что в 1718 г. он был прикомандирован к Павлу Ягужинскому «и был у дел, бывших тогда в ведомстве ево о учреждении коллегиев, и у репортов, подаваемых от него... о том учреждении его императорскому величеству».³⁰

Трудно сказать, насколько удалось П. И. Ягужинскому ускорить отечественное государственное строительство конца 1710-х гг. Учитывая дальнейшую карьеру Павла Ивановича, следует полагать, что поручение контролировать создание коллегий он, по крайней мере, не провалил. Как бы то ни было, в 1719 г. П. И. Ягужинского ожидало возвращение на дипломатическое поприще: в мае этого года Петр I направил генерал-майора вторым министром на Аландский конгресс.

На конгрессе, начавшемся на острове Аланд в Балтийском море в мае 1718 г., велись секретные российско-шведские мирные переговоры. Россию представляли Я. В. Брюс и А. И. Остерман. Завязавшиеся вполне динамично аландские переговоры начали вскоре затягиваться шведской стороной. Особенно ситуация ухудшилась после отъезда в августе 1718 г. одного из шведских уполномоченных — Георга Герца, инициатора конгресса и сторонника скорей-

шего заключения мира, — а также после последовавшей в ноябре 1718 г. гибели Карла XII.

В подобных условиях весной 1719 г. Петр I решил, не прерывая Аландского конгресса, послать Андрея Остермана в Стокгольм для предложения компромиссных условий мира непосредственно королеве Ульрике-Элеоноре.³¹ Для укрепления же российской делегации на конгрессе царь назначил Павла Ягужинского.³² Прибыв на Аланд только 7 июля 1719 г., Павел Иванович объективно не имел возможности что-либо изменить на безнадежно затухавших переговорах.

Ставший очевидным в начале августа 1719 г. неуспех миссии А. И. Остермана окончательно предопределил судьбу Аландского конгресса. 15 сентября 1719 г. российские уполномоченные покинули остров. Вопросами российско-шведских отношений снова занялись военные, обрушившие на Швецию осенью 1719 — весной 1720 гг. череду опустошительных десантов.

Однако в то время, когда русские отряды громили шведские местечки на побережье Ботнического залива, П. И. Ягужинский оказался далеко от театра военных действий, в мирной Вене.³³ В столице Австрийской империи Павел Иванович появился в последних числах апреля 1720 г. в ранге чрезвычайного посланника. Продлившееся чуть менее года пребывание Павла Ягужинского в Вене не имело особенного успеха, так и не приведя к предполагавшемуся заключению российско-австрийского союзного договора.

Между тем, наряду с исполнением официальных, протокольных обязанностей, посланнику П. И. Ягужинскому довелось руководить одной из крупнейших тайных операций России XVIII в. В преддверии назначения генерал-прокурором перед Павлом Ягужинским была поставлена задача доставить в Россию бывшего резидента в Австрии А. П. Веселовского.

Не вдаваясь на этих страницах в подробности биографии Авраама Веселовского,³⁴ сле-

²⁹ Законодательные акты Петра I. С. 225.

³⁰ РГАДА. Ф. 286. Кн. 203. Л. 449, 449об.

³¹ См.: Фейгина С. А. Миссия А. И. Остермана в Швецию в 1719 г. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 290–299.

³² См.: Фейгина С. А. Аландский конгресс: внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 451, 452, 458, 467.

³³ Наиболее подробно о дипломатических аспектах пребывания П. И. Ягужинского в Австрии см.: Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 214–250.

³⁴ Об А. П. Веселовском см.: Серов Д. О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 134–149.

дует лишь отметить, что в мае 1715 г. он возглавил посольство в Вене. В феврале 1719 г. в ответ на высылку из России австрийского резидента Отто Плеера имперские власти обязали А. П. Веселовского в течение восьми суток выехать из Вены.

Оставшись без должности, Авраам Веселовский сначала был назначен резидентом ко двору ландграфа гессен-кассельского.³⁵ Но очень скоро в Петербурге передумали. Рескриптом от 3 апреля 1719 г. Аврааму Павловичу было предписано возвращаться в Россию. В дороге Авраам Веселовский исчез.

В марте 1720 г., по указанию царя, канцлер Г. И. Головкин секретно уведомил всех российских послов о бегстве Авраама Веселовского, распорядившись арестовать его при первой возможности «яко изменника». Послам также надлежало сменить употреблявшиеся в переписке с бывшим резидентом шифры.³⁶ Между тем, резонно не полагаясь в таком деле на дипломатов (равно как не рассчитывая добиться выдачи А. П. Веселовского официальным путем), Петр I запланировал и другие меры.

Судя по всему, именно по инициативе и при решающем участии царя была разработана, выражаясь современным языком, специальная операция, имевшая целью принудительно доставить Авраама Веселовского в Россию. Проблема заключалась в том, что требовалось не только установить местонахождение А. П. Веселовского, но и нелегально задержать его, а затем (также нелегально) провезти через несколько государственных границ. Все это грозило как столкновениями с национальными правоохранительными и судебными органами, так и международными осложнениями.

Таким образом, операция нуждалась, с одной стороны, в надежном дипломатическом прикрытии, с другой — в эффективном руководстве на месте. В итоге задача вернуть беглого резидента образовала негласную часть венской программы П. И. Ягужинского. Выработанный, очевидно, в марте 1720 г. сценарий тайной операции в дальнейшем, естественно, не раз корректировался. Так, 4 апреля 1720 г. Петр I дополнительно предписал еще не доехавшему до места назначения Павлу Ягужинскому попытаться заблокировать счет А. П. Веселовского в венском банке. В письме от 13 июня

1720 г. царь указал П. И. Ягужинскому обещать за содействие в поимке Авраама Павловича внушительную премию в двадцать тысяч ефимков.³⁷ Для непосредственного же проведения розыскных и силовых мероприятий Петр I командировал в распоряжение Павла Ивановича майора Ю. И. Гагарина (получившего на время операции псевдоним Вольский). Под началом майора была сформирована группа, состоявшая, по меньшей мере, из трех человек.

Уже в конце июня 1720 г. П. И. Ягужинскому удалось получить сведения о том, что беглый резидент пребывает в окрестностях Франкфурта-на-Майне. Не теряя времени, Павел Иванович направил туда Ю. И. Гагарина с его группой. Вероятно, щедро оплаченная из секретных сумм российского посольства информация оказалась верной.

В середине июля 1720 г. в указанном районе один из членов группы полковник Энслин (псевдоним Бердышевский) вышел на след Авраама Веселовского. В окончательной идентификации А. П. Веселовского, укрывшегося под вымышленным именем, Энслину помог встреченный им на постоялом дворе некий майор Шенк, служивший когда-то в российской армии. В шифрованном донесении Павлу Ягужинскому от 28 июля 1720 г. полковник сообщил, что в проезжем «кавалере Фрелихе» Шенк уверенно опознал «безделного крещеного жида», который «в его время был секретарем у князя Меншикова».³⁸

Энслин установил маршрут «кавалера Фрелиха» до местечка Бирген. Оттуда Авраам Павлович переместился в Гессен-Кассель. Кольцо вокруг беглеца сжималось. В августе 1720 г. царские агенты вели за ним уже постоянное наблюдение. Со дня на день капкан должен был захлопнуться. П. И. Ягужинский успел даже санкционировать раздачу участникам захвата бывшего резидента части имевшихся при нем денег.³⁹

И все-таки Аврааму Веселовскому сопутствовала удача. Предупрежденный кем-то в последний момент о западне, он спешно выехал в Гамбург, где сумел скрыться от преследователей. Тайная операция провалилась.

Сложившаяся неудачно не только в секретной части, но и (как уже говорилось) в офици-

³⁵ РГАДА. Ф. 55. Оп. 1. № 55. Л. 2.

³⁶ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 410.

³⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 59. Л. 8, 26.

³⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 59. Л. 64–65об. При А. Д. Меншикове Авраам Веселовский состоял в 1710–1714 гг.

³⁹ Там же. Л. 87.

альной, венская миссия оказалась последним дипломатическим опытом Павла Ягужинского допрокурорского периода. Вернувшись в Россию в апреле 1721 г., Павел Иванович не получал никакого назначения вплоть до 18 января 1722 г., когда Петр I собственноручно начертал: «В генералы-прокуроры Павла Ягужинского...»⁴⁰ 22 января 1722 г. П. И. Ягужинский был произведен в генерал-лейтенанты. Бывший царский камердинер окончательно вошел в ряды высшей бюрократии Российской империи.

Как же складывалась деятельность Павла Ягужинского в должности генерал-прокурора Сената, во главе новоучрежденной прокуратуры России? Осветить этот сюжет с исчерпывающей полнотой на сегодня не представляется возможным по причине утраты основного комплекса документов канцелярии генерал-прокуратуры за 1722–1727 гг. Однако, благодаря образцово сохранившемуся протокольному и указному делопроизводству Правительствующего Сената за 1722–1727 гг., имеется возможность установить все случаи, когда Сенат выносил решения как по представлению непосредственно генерал-прокурора, так и по представлениям прокуроров коллегий и надворных судов. Именно сенатская документация позволила с надлежащей достоверностью и отчетливостью реконструировать направления деятельности генерал-прокуратуры России в первое пятилетие ее существования.

Не останавливаясь на общей характеристике компетенции генерал-прокуратуры (что было предпринято в рамках иной работы),⁴¹ коснемся тех полномочий, в рамках которых наиболее отчетливо проявилась деятельность П. И. Ягужинского. Первой линией компетенции явилось оглашение Павлом Ягужинским Сенату высочайших указов и повелений. Не предусмотренная в законодательстве, эта линия компетенции превращала генерал-прокурора, образно говоря, не только в «око» самодержца, но и в его «уста».

Согласно указным книгам и протоколам Сената, в 1722 — январе 1725 гг. Павел Ягужинский огласил шесть адресованных сенаторам указов и повелений Петра I: четыре — в 1722 г., и два — в 1723 г.⁴² В 1724 г. ни один слу-

чай оглашения Павлом Ивановичем именных указов и повелений в сенатском делопроизводстве зафиксирован не был. Примечательно, что направленные в Сенат через генерал-прокурора высочайшие повеления носили по содержанию преимущественно ускораспорядительный характер.

Так, оглашенное П. И. Ягужинским 21 июня 1723 г. императорское указание касалось покупки и последующей реставрации доставленной из Швеции некогда трофейной русской пушки времен Ивана Грозного; оглашенное 22 сентября 1723 г. — покупки таких же привозных mortir литья 1654 г. Уместно заметить, что в первой половине 1720-х гг. зачитывание высочайших указов и повелений отнюдь не являлось исключительной прерогативой Павла Ягужинского. Этим в указанное время занимались и другие лица (наиболее часто А. В. Макаров, А. Д. Меншиков, П. А. Толстой).

Еще одну линию компетенции генерал-прокуратуры (закрепленную в ст. 10 закона «Должность генерала-прокурора» от 27 апреля 1722 г.⁴³ право законодательной инициативы по вопросам совершенствования устройства и функционирования государственного аппарата и по социально-экономической тематике) П. И. Ягужинский воплотил на практике при жизни Петра I всего дважды. В августе 1722 г. генерал- и обер-прокуроры выступили с идеей осуществить масштабную проверку за истекшее трехлетие финансовой деятельности подьячих, ответственных за различные сборы. Наконец, в октябре 1724 г. П. И. Ягужинский и обер-прокурор И. И. Бибииков подали обширный проект о реорганизации сенатской канцелярии.⁴⁴

Нельзя не отметить, что после кончины Петра I Павел Иванович стал использовать право выдвижения инициатив значительно чаще.⁴⁵ Так, в октябре 1725 г., по инициативе Павла Ягужинского, Сенат подал императрице обширный доклад о необходимости снижения налогового бремени на крестьян.⁴⁶

⁴³ См.: Законодательные акты Петра I. С. 308–311.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 479, 647; Кн. 1932. Л. 43–44. Изложение последнего предложения П. И. Ягужинского см.: Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование. М., 1875. С. 172, 173.

⁴⁵ Об этой стороне деятельности Павла Ягужинского наиболее подробно см.: Веретенников В. И. Указ. соч. С. 96–103.

⁴⁶ См.: «О содержании в нынешнее мирное время армии, и каким образом крестьян в лучшее состояние привести». 1725 г. // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Смесь. С. 29–32.

⁴⁰ Законодательные акты Петра I. С. 248.

⁴¹ См.: Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 103, 104.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 428об, 465, 682об., 715об.; Кн. 1915. Л. 94; Кн. 1918. Л. 58.

В наибольшей же мере позиция первого генерал-прокурора по вопросам государственного строительства и социально-экономической политики отразилась в представленной им Екатерине I в 1726 г. «Записке о состоянии России», в которой предлагался комплекс мер по улучшению внутреннего положения страны.⁴⁷

Значительно чаще, нежели выдвижением предложений по совершенствованию государственного аппарата и улучшению социально-экономической ситуации, П. И. Ягужинский в первой четверти XVIII в. занимался представлением Сенату доношений нижестоящих прокуроров. В сенатской документации 1722–1724 гг. удалось выявить 13 эпизодов, когда сенаторы принимали связанные с такими представлениями решения.⁴⁸ Кроме того, по меньшей мере, в одном случае, когда генерал-прокуратура представила в Сенат доношение нижестоящей прокуратуры, никакого решения по нему принято не было⁴⁹ (вероятнее всего, таких эпизодов было больше).

Весьма примечательно, что Павел Ягужинский целенаправленно пытался уклониться от участия в следственных мероприятиях в период осуществления генерал-прокуратурой предварительного расследования «дела фискалов».⁵⁰ Не испытывавший, по всей вероятности, ни малейшей склонности к судебно-следственной деятельности, Павел Иванович сумел для начала добиться фактической передачи расследования прокурору Военной коллегии Е. И. Пашкову, а затем поспособствовал передаче дела из генерал-прокуратуры в производство Розыскной конторы Вышнего суда.

Не менее примечательно, что надзорная линия деятельности генерал-прокуратуры — базисная в ее компетенции — проявлялась на практике в 1722–1725 гг. весьма слабо. В сенатской документации того времени отразилось всего два эпизода, когда руководители прокуратуры протестовали по поводу решений Се-

ната. Оба эпизода имели место в 1722 г., и оба были связаны с обер-прокурором Г. Г. Скорняковым-Писаревым.⁵¹ Что же касается протестов генерал-прокуратуры на решения Сената, выносимых на рассмотрение императора (что предусматривалось в ст. 2 закона «Должности генерала-прокурора»), то нам не удалось выявить ни одного.

Отсутствие в сенатском делопроизводстве ноября 1722 — декабря 1725 гг. каких-либо следов «протестаций» генерал-прокуратуры затруднительно интерпретировать с полной определенностью. Нельзя исключить, что после 1722 г. во взаимоотношениях с Сенатом генерал-прокуратура просто сменила тактику. «Обжегшись» на примере Г. Г. Скорнякова-Писарева, угодившего под суд за нарушение порядка на заседаниях Сената, Павел Ягужинский вместе с новым обер-прокурором И. И. Бибиковым сумели выработать эффективный механизм разрешения спорных вопросов еще на стадии подготовки сенатских решений, что и позволило в дальнейшем избегать громогласных формальных протестов.

Однако более вероятным представляется, что Павел Ягужинский изначально занял в отношении Сената позицию целенаправленной бесконфликтности. В обстановке первой половины 1720-х гг., когда вознесенный на один из высших постов империи П. И. Ягужинский оставался явным «чужаком» в среде правящей элиты, а здоровье Петра I год от года ухудшалось, портить отношения с входившими в состав Сената влиятельнейшими сановниками означало готовить крушение своей карьеры. Вот почему П. И. Ягужинский, исправно передавая на рассмотрение Сената доношения нижестоящих прокуроров, ни разу не взялся обозначить собственную позицию, в чем-либо перечить сенаторам.

Что хотелось бы сказать в заключение? История возвышения Павла Ягужинского является собой уникальный для Петровских времен случай, когда вхождение лица в круг высшей бюрократии оказалось обусловлено не его военными, дипломатическими или административными заслугами, не его знатностью или родственными связями, не выдающейся ученостью, а просто его длительным пребыванием в непосредственном окружении главы государства. В этом отношении Павла Ягу-

⁴⁷ См.: Ягужинский П. И. Записка о состоянии России // ЧОИДР. 1860. Кн. 4. Смесь. С. 269–273. Рассмотрение финансового раздела Записки см.: Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 38, 39.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 345об., 386об., 688; Кн. 1915. Л. 39, 39об.; Кн. 1916. Л. 62, 62об., 63; Кн. 1920. Л. 11–12об., 13, 13об.; Кн. 1923. Л. 112, 113об.; Кн. 1934. Л. 9–13; Кн. 1935. Л. 143.

⁴⁹ Там же. Кн. 50. Л. 757–758об.

⁵⁰ О «деле фискалов» см.: Серов Д. О. Фискалы на эшафоте // Родина. 2007. № 11. С. 75–79.

⁵¹ См.: Серов Д. О. Прокуратура Петра I. С. 105–107.

жинского следует признать первым в обширной череде классических «фаворитов» XVIII в.

Вместе с тем П. И. Ягужинский не был ни бездарностью, ни ординарной личностью, ни безликим статистом. Неоспоримо то, что Павел Иванович обладал и разносторонним умом, и приемлемой для того времени образованностью, и способностью к государственному мышлению. Немаловажно и то, что он, в отличие от многих иных «птенцов гнезда Петрова», ни разу не обвинялся в преступлениях против интересов службы, никогда не подвергался уголовному преследованию.⁵²

Разумеется, Павел Ягужинский являлся малоподходящей кандидатурой для должности генерал-прокурора в строгом понимании ее смысла. Не имевший ни юридической подготовки, ни опыта административно-судебной деятельности, совершенно несведущий в практическом законоведении, П. И. Ягужинский заведомо не был способен осуществлять полноценный надзор за законностью ни в стенах Правительствующего Сената, ни тем более во всем государственном аппарате. Однако, будучи облечен неограниченным доверием Петра I, досконально зная его требования к чиновникам и его представления о «государственной пользе», Павел Ягужинский был, несомненно, способен исполнять в Сенате роль

«ока государева» в узком смысле, т. е. осуществлять повседневный контроль за работой сенаторов.

В этом отношении определение П. И. Ягужинского на должность генерал-прокурора можно трактовать как типичное «политическое назначение», когда соответствующему должностному лицу совсем не обязательно обладать специальными знаниями или профильным опытом в порученной ему области деятельности. Что же касается весьма осторожного поведения Павла Ягужинского в Сенате, то оно, вероятнее всего, устраивало Петра I. Как представляется, император направил его в Сенат именно как человека, с одной стороны, лишённого авторитарных наклонностей, а с другой — органически чужеродного для сенаторского круга.

Что бы там ни было, именно под руководством Павла Ягужинского произошло становление прокуратуры России, превращение ее во влиятельное ведомство. И совсем не случайно в ноябре 1724 г., на самом исходе жизни, Петр I вписал упоминание о прокурорах начальной строкой в свой распорядок занятий государственными делами: «Дни прокурором: поутру пред назначенным днем езды в Сенат зимою, а летом воскресные утра о делах, которые время терпят. А которые не терпят, всегда время».⁵³

Ключевые слова: *Петр I, Правительствующий Сенат, генерал-прокурор, тайные операции*

Dmitry O. Serov

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University
of Economics and Management (Russia, Novosibirsk)
E-mail: serov1313@mail.ru

P. I. YAGUZHINSKY: ASPECTS OF PERSONALITY AND OFFICIAL WORK

The article provides a review of the circumstances of the professional career and the personality of the first General Procurator of Russia P. I. Yaguzhinsky. The author described the professional career of Paul Yaguzhinsky (prior to his appointment as the General Procurator of the Senate and the general-procurator positions in 1722–1725), as well as the events surrounding his divorce in 1723. A particular attention was paid to the story of P. I. Yaguzhinsky leading a secret operation of search and arrest of the first Russian diplomat-defector A. P. Veselovsky in 1720.

Key words: *Peter the First, Governing Senate, Prosecutor-General, secret operations*

⁵² Подробнее об этом см.: Серов Д. О. Высшие администраторы под судом Петра I. Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 39. С. 47–63.

⁵³ Законодательные акты Петра I. С. 265.

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Arkhiv knyazya F. A. Kurakina* (Archives of Prince F. A. Kurakin). St. Petersburg: Tipogr. V. S. Balashova, Book 2, 1891, 482 p. (in Russ.).
- Bantysh-Kamenskiy D. N. Moscow: Tip. N. S. Vsevolzhskogo, Part 2, 1813, 352 p. (in Russ.).
- Bantysh-Kamenskiy D. N. Moscow: Tipogr. E. Lissnera i Yu. Romana, Part 1, 1894, 303 p. (in Russ.).
- Barsov N. I. *Russkaya starina* (Russian Antiquity), Vol. 18, 1877, pp. 713–722. (in Russ.).
- Dolgorukov P. V. St. Petersburg: ITs “Gumanitarnaya akademiya”, 2007, 640 p. (in Russ.).
- Feygina S. A. Moscow: Izd. AN SSSR, 1959, 545 p. (in Russ.).
- Feygina S. A. *Voprosy voennoy istorii Rossii. XVIII i pervaya polovina XIX vekov: sb. nauch. tr.* (Questions of Russian military history. XVIII and the first half of XIX centuries: collected papers). Moscow: Nauka, 1969, pp. 290–299. (in Russ.).
- Fursenko V. V. *Russkiy biograficheskiy slovar* (Russian Biographical Dictionary). Moscow: Tipogr. Glavnogo upravleniya udelov, Vol 25, 1913, pp. 8–28. (in Russ.).
- Gozdavo-Golombievskiy A. A. *Russkiy arkhiv* (Russian Archives), Vol. 2, № 7, 1903, pp. 371–415. (in Russ.).
- Gozdavo-Golombievskiy A. A. *Sbornik biografiy kavalergardov: sb. nauch. tr.* (Collection of biographies of the Horse Guards: collected papers). St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovl. gosud. bumag, 1901, pp. 1–21. (in Russ.).
- Helbig G.-A., von. Tübingen: in der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1809, 502 s. (in German).
- Ivanov P. I. St. Petersburg: Tip. Pravit. Senata, 1863, IV, 180 p. (in Russ.).
- Karatygin P. P. *Istoricheskiy vestnik* (Historical Journal), Vol. 17, № 9, 1884, pp. 603–606. (in Russ.).
- Kovrigina V. A. Moscow: “Arkheograficheskiy tsentr”, 1998, 440 p. (in Russ.).
- Nikiforov L. A. Moscow: Izd. AN SSSR, 1959, 497 p. (in Russ.).
- «O soderzhanii v nyneshnee mirnoe vremya armii, i kakim obrazom krestyan v luchshee sostoyanie privest». 1725 g. (“The content of the current peacetime army, and how the farmers in a better state of lead.” 1725). *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh: sb. nauch. tr.* (Readings in the Society of Russian History and Antiquities: collected papers). Moscow: Universitetskaya tipogr., Book 2, 1897, pp. 29–32. (in Russ.).
- Opisanie dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Svyateyshego Pravitelstvuyushchego Sinoda* (Description of documents and files stored in the archives of the Holy Synod). St. Petersburg: Sinodalnaya tipogr., Vol. 2, part 2, 64 p. (in Russ.).
- Petrovskiy S. A. Moscow, 1875, 349 p. (in Russ.).
- Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (Letters and Papers of Emperor Peter the Great). Moscow: Izd. AN SSSR, Vol. 11, Issue 1, 1962, 642 p. (in Russ.).
- Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (Letters and Papers of Emperor Peter the Great). Moscow: Nauka, Vol. 11, Issue 2, 1964, 742 p. (in Russ.).
- Pokhodnyy zhurnal 1711 goda* (Marching Magazine 1711). St. Petersburg, 1854, 118 p. (in Russ.).
- Pomerantsev M. S. *Russkiy arkhiv* (Russian Archive), 1916, № 5–6, pp. 198–253. (in Russ.).
- Serov D. O. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Ural State University: collected papers). Ekaterinburg, 2005, № 39, pp. 47–63. (in Russ.).
- Serov D. O. Novosibirsk: Izd. Novosib. un-ta, 1996, 262 p. (in Russ.).
- Serov D. O. Novosibirsk: Sibvuzizdat, 2002, 330 p. (in Russ.).
- Serov D. O. *Rodina* (Motherland), 2007, № 11, pp. 75–79. (in Russ.).
- Svirelin A. I. *Trudy Vladimirskey uchenoy arkhivnoy komissii: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Vladimir Scientific Archive Commission: collected papers). Vladimir: Tip. gub. Pravleniya, Book 4, 1902, pp. 29–35. (in Russ.).

Troitskiy S. M. Moscow: Nauka, 1966, 275 p. (in Russ.).

Valishevskiy K. Moscow: Izd. "Triller", Vol. 2, 1993, 576 p. (in Russ.).

Veretennikov V. I. Kharkiv: Tip. "Adolf Darre", 1915, 405 p. (in Russ.).

Yaguzhinskiy P. I. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh: sb. nauch. tr.* (Readings in the Society of Russian History and Antiquities: collected papers). Moscow: Universitetskaya tipogr., Book 4, 1860, pp. 269–273. (in Russ.).

Yul Yu. Moscow: Universitetskaya tipogr., 1899, 598 p. (in Russ.).

Zakonodatelnye akty Petra I (Legislative Acts of Peter I). Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, Vol. 1, 1945, 602 p. (in Russ.).

Zvyagintsev A. G., Orlov Yu. G. Moscow: ROSSPEN, 1994, 318 p. (in Russ.).